

Для Рене

Так Дон Кихот становится рыцарем...

Симон Лейс

2002

1

У него все еще оставалось время что-то изменить. Не прозвище, от которого он никак не мог избавиться, и не внешность, и не недостатки характера — тут почти без шансов, ведь для глубоких внутренних преобразований уже давным-давно поздно. Василис Маллиос по прозвищу Лаки, «счастливчик», предполагал, что все-таки сумеет переписать историю своей жизни, а точнее, ее концовку.

Лаки сидел за кухонным столом, расстелив на нем газету, и чистил орегано от стеблей. Травы провисели в буфете всего неделю и не успели как следует высохнуть, но ждать было невмоготу, необходим был привычный ритуал. Он помогал ненадолго вернуться в прошлое. Лаки отложил стебли в сторону и перебрал кучку цветочных головок, вынимая серые веточки. Аромат плыл вверх, словно призрак. Лаки говорил себе, что всем кого-то не хватает: умерших родителей, ушедших слишком рано супругов, предавших возлюбленных, бросивших семью братьев или сестер, не обретенного друга или друга, который ушел, не родившегося ребенка, человека, которым мы должны были стать, не хватает жизни, которую

мы должны были вести. Или же нам не хватает ребенка, которого мы все еще можем завести, семьи, которую мы вот-вот обретем, любовника или губителя на пороге. Лаки на короткое время смирился, что его мир неполноценен, прочувствовал момент, а когда он кончился, включил телевизор.

В тот день Лаки примчался домой после встречи в банке и сразу же срезал ригани из буфета у кухонного окна. Обширный новый жилой комплекс напротив выглядел, как башня с вывернутыми наружу карманами. А дом, где жил сам Лаки, напоминал ему придорожный мотель.

Специалистка по кредитам банка «Санкорп», отклонившая его заявку, была очень добра. Она сослалась на отсутствие дохода за последние двадцать четыре месяца, но не упомянула, что вообще-то Лаки уже слишком стар для таких внушительных долгов. У него нет активов, нет поручителя. Специалистка сказала, мол, ей нравится идея начать все заново. Само сочувствие. По особым случаям ее семья ходила в бывший ресторан Лаки в Стэнморе. Она помнила музыкальный автомат, масляную картошку во фритюре, зал, похожий на декорации в телесериале. И специалистка знала более позднюю историю Лаки, «трагедию в вашей жизни», как она выразилась. Если бы только «Санкорп» выдавал кредиты на таких основаниях. В конце встречи Лаки признался: этот банк — последний в списке кредиторов, к которым он обращался.

«О чем это мне говорит?» — посетовал Лаки, поблагодарил женщину за уделенное время и притворился смиренным, не желая выдавать обиду, но финальная остановка в цепочке неудачных попыток получить кре-

дит говорила ему следующее: банки в Сиднее слишком консервативны.

В гостиной беззвучно мигал телевизор. После рекламы букмекерской конторы продолжилась передача «Колесо фортуны», средний ее сегмент, после бессмысленных раундов на скорость. Все трое участников выглядели испуганными. Как будто их случайно забросило за табло и они там совсем ни при чем. Лаки разгадал два задания еще до того, как кто-либо коснулся колеса. Еда: шкварки. Фраза: пуститься в погоню.

Лаки Маллиос пересыпал ригани в банку и скомкал газету, подняв зеленую пыль в воздух. Когда зазвонил телефон, Лаки встал, не отрывая глаз от экрана телевизора. Пять гудков и пауза — международный вызов.

— Вы у Лаки! — нараспев произнес он в трубку.

2002

1

Эмили Мэйн стояла на углу в лучах солнечного света, который ассоциировался у нее с фотографиями, где люди покоряют вершины гор. Голубое небо подкрашивало стекла машин, чей поток толчками тек через перекресток. Эмили больше не чувствовала себя изможденной: легкий ветерок наполнил ее потоком новой силы. Была середина дня. Где-то в пути между Лондоном и Сиднеем у чемодана заклинили колеса — они скрежещали, когда Эмили переходила дорогу и входила в отель.

Ее самолет дал круг над гаванью Сиднея, над лихтенберговой фигурой северного пригорода, и сверху Эмили увидела дым пожаров на далеком юго-западе, где серые столпы поднимались в небо, исчезали за горизонтом. Изабель на стойке регистрации отеля упомянула запах гари, окутавший и город. Внезапно оживившись, Изабель сказала, что скоро пойдет дождь: ночью она слышала на заднем дворе лягушек, верный знак. Просторный вестибюль пах ванильными свечами и был заставлен мебелью, выставленной на витринах магазинов напротив: белые диваны с кожаными подушками, цилиндрические абажуры, резные стулья, огромные белые ракушки на

журнальных столиках голубого мрамора. На темном, как почва, деревянном полу виднелись царапинки. На стенах висели увеличенные фотографии местной флоры, зернистые, как старая ткань. Изабель поинтересовалась, впервые ли Эмили в Сиднее (нет, бывала давным-давно), нужен ли ей звонок-будильник (нет) и необходим ли доступ в интернет (да).

Эмили ждала электронное письмо от Майкла, своего мужа, хотя на прошлой неделе он использовал слово «спутница», чтобы представить ее знакомым, с которыми они столкнулись на Чемберлейн-роуд. Позже, когда Эмили задала вопрос, он ответил, что оговорился, вот и все. Ничего такого. Не то чтобы ей сильно не нравилось это слово, но беспокоило все остальное, что Майкл делал и говорил в последние месяцы. И появление термина «спутница» подсказывало, что он как-то по-другому относится к ее статусу и к их браку, который действительно превратился (против ее воли, словно по приказу тирана) по большей части в бесстрастный и практичный союз. Изменения, как проследила Эмили, начались в июне прошлого года или около того, когда они начали попытки забеременеть. Когда секс все-таки случался, прикосновения в процессе сводились к минимуму. А если совместное времяпровождение не было направлено на достижение цели, то оно обычно включало выпивку. Майкл любил вино и пиво, Эмили — сидр. Майкл говорил ей: «Мне больше нравится слегка пьяный секс». Иногда они засиживались допоздна и рассуждали о том, как наладить брак, пока Эмили не уходила спать такой изможденной и оцепенелой, что на следующий день едва помнила, что они друг другу рассказывали. И все же, думала Эмили, мы не пробовали терапию для семейных пар. Не ездили в настоящий отпуск. Она твер-

дила Майклу, что чувства в браке зачастую остывают (или что, черт возьми, случилось), но пары способны их воскресить и зажить еще лучше, чем раньше. Подобное исцеление обещали целые полки в книжном магазине. И тут она приводила в пример друзей и знакомых, которые преодолели, как она подозревала, те же проблемы. Майкл отрастил волосы до плеч, новая прическа ему очень шла.

«Он явно в депрессии. Ему нужно с кем-нибудь поговорить», — поделилась Эмили со своим другом Лиамом.

Они знали друг друга со второго курса Голдсмитского колледжа, где оба посещали занятия, посвященные центральноевропейскому роману. Эмили слышала о нем и до семинара, когда их общий друг заявил, что она просто обязана познакомиться со смышленным парнем-ирландцем по имени Лиам, в которого наверняка влюбится — платонически. Так сразу же и случилось. Лиам и Эмили подружились и после выпуска разделили двухкомнатную квартиру с наклонными полами на Лэдброук-гроув. Лиам уговорил домовладельца разрешить перекрасить спальни в темно-красный. Дело было в конце восьмидесятых. Они оба запомнят Лэдброук-гроув как хороший период в четыре года. Испытывая огромную неуверенность в собственном таланте из-за потери связи с друзьями, Лиам разорвал договор аренды и уехал из Лондона работать берлинским корреспондентом для «Гардиан». В своей новой квартире недалеко от Ораниенплац он стал беспросветно несчастен и пил без меры, но всегда ухитрялся находить хорошие сюжеты. Иногда на выходные он прилетал обратно в Лондон и ночевал на диване у Эмили, которой привозил немецкие колбаски и чуток отменной кислоты, спрятанной в тюбике зубной пасты. Временами Эмили отправляла ему свои статьи

для «Ивнинг Стэндард» или «Индепендент» или короткий рассказ.

Лиам прожил в Берлине шесть лет, после чего «Нью-Йоркер» предложили ему работу редактором документальных статей. Тогда он уже отдалился от удовольствий писательства и заявил, что уж лучше будет править чужие работы: надеялся больше не возвращаться домой по ночам, беспокоясь, что мог облажаться в деталях или цитатах в статье, которую отдал на печать. Лиам отправился в Нью-Йорк. Откуда, наверное, не вернется. Эмили вышла замуж за Майкла, соцработника, с которым познакомилась на небольшом званом ужине в районе Харлсден.

Теперь Лиам и Эмили общались раз в месяц, если не реже, но по-прежнему открывались друг другу полностью, как много лет назад, когда допоздна засиживались на кухне, курили сигареты и пили крепкий кофе с кардамоном. Дружба иногда могла остаться на плаву, если они почти не менялись.

— Сдается мне, девушку твоего мужа зовут Сандрин, — сказал Лиам.

— Не надо шутить, что Майкл мне изменяет.

— А я не шучу.

— И всерьез про это не говори, — попросила Эмили.

Оказалось, девушку звали Тереза. Даже то, как Майкл протянул «Тере-еза», словно под кайфом, совершенно ясно давало понять, что у них, любовничков, реальный союз. И посреди ночи перед вылетом Эмили из аэропорта Хитроу в Сидней Майкл решил рассказать ей, своей жене, с которой прожил семь лет, о романе с другой. В перчатках, с шарфом на шее, он разбудил Эмили в два часа ночи, возвышаясь над ней, словно монумент. Даже

в графике сна они не совпадали: Эмили ложилась рано, Майкл сидел допоздна.

— Прости, что разбудил, — начал Майкл, — но мне нужно кое-что тебе сказать, прежде чем ты улетишь в Сидней. Я влюблен в другую.

— Что? Повтори.

— Я тоже был потрясен. Ее зовут Тереза, мы встретились примерно полгода назад.

Эмили села в постели.

— Идиота кусок.

— Нам нужно поговорить подробнее, но не сейчас. Я завтра напишу тебе на почту.

— Собрался куда-то посреди ночи?

— Мне лучше уйти, разве нет?

— То есть ты говоришь, что влюблен в другую, и тут же бежишь ее трахать?

— Господи, Эмили. Понимаю, я не вовремя.

— Не вовремя? — переспросила она. — Не вовремя — это когда проезжаешь рельсы и тебя сшибает насмерть гребаный поезд.

Майкл оставил дверь спальни открытой, а свет коридора включенным в их квартире в районе Кенсал-Грин. Остаток утра Эмили пролежала в постели, пытаясь убедить себя в бесповоротной реальности того, что случилось с ее браком. Она вглядывалась в светильник в форме армиллярной сферы, пока не зазвонил будильник, затем встала с кровати, приняла душ, вышла из квартиры и машинально села в метро по заранее намеченному маршруту. Уже в терминале возникла ужасающая мысль: она может быть беременна — и разум на мгновение сжался, раскололся по спирали, как ночью (а по ощущениям — пять минут назад), когда Майкл рассказал

о ненаглядной Терезе. Эмили купила в аптеке тест и помочилась на него в туалете у выхода на посадку, пока уборщица в соседней кабинке хлюпала водой по полу.

Три минуты спустя тест показал «отрицательно». Месяц назад такой результат не вызвал бы волны облегчения, подернутого горечью. Единственная полоска на мокрой от мочи палочке, думала Эмили, говорит о ситуации с Майклом больше, чем она сама сейчас способна выразить. У нее болела шея. Снаружи объявили ее рейс.

Когда Эмили заняла место в самолете, ей стало казаться неправильным, что она не дома, в ярости, потому что ее бросили в безвыходном положении, обманом лишили возможности полноценно ответить. Майкл явно рад, что она покидает страну. Наверняка видел поездку некой передышкой от их быта, трус, и подгадал время для признания, чтобы избежать прямого столкновения. Стюард по внутренней связи объявил текущее время и температуру в Сингапуре, где предстояла пересадка на пути в Сидней. Эмили проглотила двадцать пять миллиграммов диазепама, открыла выпуск «Нью-Йоркера» и снова захлопнула, когда самолет взмыл вверх, сделав серию прыжков.

В прошлом сентябре Эмили уволили с должности корректора в «Индепендент». Почему на дверь указали именно ей, не объяснили. Никто в газете никогда не критиковал ее работу — по крайней мере, в ее присутствии. Иногда ее заголовки в процессе меняли, потому что она ненавидела каламбуры, а редакторы некоторых отделов придерживались иного мнения, но в большом авторитетном издании это обычное дело. На странице она раз-